

К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
ПРОТОПРЕСВИТЕРА ВИТАЛИЯ БОРОВОГО

Г. В. Ложкова

Об основаниях христианского единства

В статье рассматриваются богословские взгляды на проблему христианского единства протопресвитера Виталия Борового, многолетнего представителя Русской православной церкви во Всемирном Совете Церквей, наблюдателя от РПЦ на II Ватиканском соборе. Статья подготовлена на основе как опубликованных текстов протопр. Виталия, так и рукописей его докладов, которые были прочитаны на богословских конференциях в 1980–1990-е гг. Позицию о. Виталия в вопросах христианского единства характеризуют: опора на русскую религиозно-философскую мысль XIX — начала XX вв., стремление к обновлению свидетельства, творческому хранению преемства церковного Предания, конструктивному межхристианскому диалогу, практические усилия по восстановлению единства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межхристианский диалог, единство, свидетельство, служение, конфессия, исповедание, Предание Церкви.

В 2018 г. исполнилось 102 года со дня рождения и 10 лет со дня кончины протопр. Виталия Борового (1916–2008), видного церковного деятеля, историка, одного из немногих по-настоящему компетентных православных богословов, живших в трудных условиях советского времени, человека редкой преданности вере и церкви. Сфера его богословских интересов была обширной, при этом тема христианского единства являлась для него одной из основных, ее богословской и практической разработке он уделял особое внимание. Отец Виталий считал, что движение за единение христиан не противоречит православию, а, наоборот, органически ему присуще, так как укоренено в Евангелии и является возвращением к раннему христианству, носителем же Предания древней церкви выступает сознающая себя в непрерывной связи с ним Православная церковь. Он подчеркивал, что единство христиан является основным условием исполнения Церковью своего главного призвания на земле: благовествовать Слово Божие, свидетельствовать о Христе. Это его видение получило отраже-

ние в многочисленных статьях и докладах, которые ему приходилось готовить по случаю участия в международных ассамблеях и конференциях, в том числе устраиваемых Всемирным советом церквей, в работе которого он участвовал с начала 1960-х гг. Фактически его доклады представляли собой обстоятельные богословские разработки, которые и снискали ему славу одного из лучших богословов Русской церкви XX в. К церковно-дипломатическому служению о. Виталий приступил в 1959 г., после того как был переведен из Ленинградской духовной академии (где он преподавал на кафедре Истории древней церкви) в Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата, в котором ему суждено было трудиться практически до конца жизни. Отец Виталий часто называл себя поборником христианского единства. Его служение на ниве созидания единства можно было бы охарактеризовать словами, сказанными в адрес его учителя по Варшавскому университету — философа и богослова Николая Сергеевича Арсеньева:

Он стремился не строить стены, а сокрушать их, не рыть канавы, но заполнять их, не хвастаться относительно предполагаемого превосходства, но отдать должное всем родственным формам и выражениям христианской жизни [Stammler, 18].

Для о. Виталия было принципиально важно устанавливать честный и заинтересованный диалог в общении с представителями других конфессий, без которого, по его мнению, невозможно было быть услышанным в свидетельстве. Современники отмечали, что в его общении с инославными отсутствовал дух неискренности или просвещенного безразличия. В ходе переговоров о. Виталий являл дух справедливости (в библейском смысле), который помогал преодолевать разногласия между собеседниками и позволял понимать, в чем состоит общая правда.

Профессор Н. С. Арсеньев сыграл значительную роль в духовном становлении будущего о. Виталия. Во многом благодаря ему Виталий Боровой в студенческие годы (1936–1939) открыл для себя мир отечественной и мировой богословской науки, а также красоту русского религиозно-философского возрождения. Сам Н. С. Арсеньев сформировался как ученый и мыслитель под влиянием русских философов начала XX в.: Л. М. Лопатина, В. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого. Он восторженно оценивал «духовную весну» в России рубежа XIX–XX вв.,

связанную с расцветом русской религиозной мысли и ознаменованную деятельностью новых замечательных мыслителей, которых он считал глашатаями творческих основ жизни. Он активно посещал собрания созданного в 1905 г. Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева, равно как и другие дискуссионные кружки, существовавшие в то время и во многом определявшие его духовную атмосферу: Психологическое общество при Московском университете под председательством Л. М. Лопатина, «Кружок ищущих духовного просвещения» под руководством В. А. Кожевникова и др. Встречи в кружках имели целью осуществление живого обмена мыслями по вопросам веры и жизни в историческом, философском и общественном аспектах и проходили в духе религиозно-философских собраний 1901–1903 гг., т. е. велись в условиях открытости и терпимости, все высказываемые взгляды, независимо от их религиозного и философского содержания, пользовались одинаковыми правами обсуждения. Стоит отметить, что именно в рамках Петербургских религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. впервые в церковно-общественной дискуссии был открыто поставлен вопрос о единстве церквей. Стенограммы собраний, опубликованные в свое время в журнале «Новый путь», содержат постановку проблемы в том виде, в каком она была сформулирована в рамках дискуссии о свободе совести:

...С ним (вопросом о каноническом положении Церкви в России. — Г. Л.) связан, конечно, вопрос и о других восточных Церквях, об их взаимном отношении, о том, есть ли между ними единство? о том, где голос Церкви? как вещает Вселенская Церковь, когда ей надо вещать? [*Записки*, 106].

Хотя участники собраний и не успели ответить на сформулированные вопросы, но знаменателен сам факт их постановки в указанное время и в пространстве открытой дискуссии, в которой принимали участие как служители церкви, так и миряне. Участие в собраниях религиозно-философского общества явилось важной вехой в становлении духовного мировоззрения Арсеньева, дало возможность знакомства и общения со многими выдающимися деятелями русской культуры XX в. Об этих «дарах и встречах жизненного пути» он написал в одноименной книге и рассказывал об этом времени своим студентам, приобщая их к уникальному опыту церковно-общественной дискус-

сии начала XX в. Таким образом, знакомство Виталия Борового с наследием русского религиозно-философского возрождения происходило не понаслышке, а через непосредственных его очевидцев. К ним, кроме Н. С. Арсеньева, можно также отнести и другого его учителя — профессора Варшавского университета М. В. Зызыкина, ученика известного московского профессора М. К. Любавского. Отец Виталий Боровой, был большим знатоком религиозно-философской и богословско-общественной мысли XIX–XX вв. Он писал, что с момента своего возникновения она была отмечена «искренним и глубоким общественным пафосом». «Ни в одной христианской стране социальный характер христианства и задача “спасения мира” не были так глубоко восприняты, как в России» [*Обновление христианина*, 7]. В свои доклады и статьи, в том числе посвященные проблемам христианского единства, о. Виталий часто помещал отдельную главу о русском религиозно-философском возрождении XIX — начала XX вв., давшем импульс к дальнейшим поискам путей возрождения церкви и общества. Чрезвычайно важным в русле размышлений о церковном возрождении о. Виталий считал вопрос восстановления авторитета церкви, который она утратила, перестав быть «вождем своего народа», потеряв «влияние на творческие устремления в обществе» [*Значение*, 13]. Он с болью писал об этом:

...Общественные и культурные изменения, творческие движения в науке, философии, в искусстве, в государственной и социальной жизни, даже в религиозной мысли, происходили без церкви, помимо церкви (а часто — и против церкви), и совершались в основном людьми, отошедшими от церкви или равнодушными (а даже и враждебными) к ней. Верующие христиане (православные) принимали в этом участие часто даже очень активное, творческое участие, но как отдельные личности, но не церковь, как участник и партнер всего этого развития. Так христиане стали жить в двух плоскостях, трудно согласуемых аспектах их бытия — в церкви и в мире [*Значение*, 12].

Отец Виталий полагал, что преодоление существующего дуализма церкви и общества, церкви и культуры возможно только через обновление жизни церкви, над проектами которого он размышлял в течение всей своей жизни. Поэтому в трудах А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского и других философов,

для которых восстановление в мире единства и действенности христианского духа являлось делом жизни, о. Виталий более всего ценил положительную и конкретную направленность мысли. В статье «Обновление христианина (Еф 4:22–32) и обновление общества» (1990 г.) он писал: «Русские мыслители всегда хотели и стремились к реальному действию, к непосредственному воплощению слова в дело», предлагали «проекты» преобразования мира «путем братского единения людей в “святой соборности”, в справедливом устройстве общества» [*Обновление христианина*, 7]. Для о. Виталия движение к единству было связано с возрождением соборности. В учении Хомякова о соборной природе Церкви он отмечал прежде всего его призыв к соборному действию, нацеленному на «реальное осуществление Христова учения в жизни», которое есть «путь братской любви». Отец Виталий писал:

Нельзя себе представить, чтобы человек мог обрести Христа, отрекшись от братьев, сделав себя глухим и слепым ко всему человеческому, ибо Бог открывается не одинокой душе, замурававшей себя в своей обособленности, а союзу душ, живущих в общении любви. Отделение любви к Богу от любви к ближнему есть ложь, различие спасения личного от спасения общего есть безумие [*Русское возрождение*, 12].

В свободной соборности и любви по Хомякову заключается историческая миссия русского народа, вселенское призвание Восточного православия. Вслед за Хомяковым о. Виталий повторял, что «соборность Церкви есть образ совершенства, к которому должна стремиться вся общественная жизнь» [*Русское возрождение*, 12]. Не случайно он подчеркивал актуальность для современности решений Поместного собора 1917–1918 гг., многие постановления которого были связаны с поиском путей воплощения соборности, без которой невозможно и подлинное единство. В этой связи о. Виталий говорил о том, что труды русских философов подготовили почву для постановки вопроса о христианском единстве на Соборе 1917–1918 гг.

Действительно, в ходе Собора впервые в истории межхристианских отношений в XX в. вопрос единства церковей обрел столь высокий статус обсуждения. До 1917 г. у Русской церкви не было разработанной концепции по достижению межхристианского единства, хотя потребность в ней в начале XX столетия несомненно существовала. К этому времени уже был наработан определен-

ный опыт взаимодействия с инославными церквями, требовавший осмысления¹.

Для решения этих вопросов в рамках собора был открыт специальный Отдел по соединению христианских церквей. На последнем заседании Собора 20 сентября 1918 г. было решено продолжить диалог о единстве с англиканами и старокатоликами, основываясь на Предании древней неразделенной церкви. Соборным определением предписывалось создать постоянную комиссию с отделениями в России и за рубежом для изучения разногласий на пути объединения с англиканами и старокатоликами. Комиссии поручалось обеспечить скорейшее достижение поставленной цели для церковного единства. Постановление от 20 сентября 1918 г. стало последним деянием Собора (было принято на его последнем 170-м заседании) [*Вопрос о соединении церквей*, 68]. К сожалению, последующие события послереволюционных лет помешали этим решениям осуществиться. Отец Виталий считал символичным, что в заключительном слове Поместного собора 1917–1918 гг. было дано благословение всем, кто трудится в «поисках пути к соединению с названными дружественными церквями» [*Вопрос о соединении церквей*, 67]. Подчеркивая роль Русской православной церкви в разработке вопросов межцерковного единства, о. Виталий отмечал, что принятие соборного решения по продолжению межхристианского сотрудничества произошло на год раньше экуменической инициативы шведского архиепископа Натана Сёдерблума (основателя межцерковного христианского движения «Жизнь и деятельность»), на три года раньше Константинопольской энциклики 1920 г. (окружного послания Вселенской патриархии ко всем христианским церквям о создании Лиги церквей для взаимной помощи, сотрудничества и достижения единства) и на 44 года раньше II Ватиканского собора [*РПЦ и экуменическое движение*, 30]. Это, по его мнению, явилось ярким свидетель-

1. Русская православная церковь уже в XIX — начале XX вв. вела переговоры с англиканами (епископатами), старокатоликами и восточными дохалкидонитами о единстве и восстановлении общения. Так, для ведения переговоров со старокатоликами Синод Русской церкви учредил Богословскую комиссию под председательством архиепископа Финляндского и Выборгского, затем митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). Старокатоликами также

была создана комиссия, состоящая из епископов и богословов. Обе комиссии работали более 20 лет (1892–1914). Кроме того, серьезные переговоры имели место на всех старокатолических конгрессах и конференциях, в которых неизменно участвовали русские богословы и церковные деятели. В истории обе эти комиссии (православная и старокатолическая) известны под одним названием Петербургско-Роттердамской комиссии [*РПЦ и экуменическое движение*, 20, 22].

ством всему миру конструктивной позиции православной церкви в вопросах христианского единства.

Исполнением благословения Поместного собора 1917–1918 гг. о. Виталий считал продолжение практики молитв о христианском единстве, ведущим мотивом которых всегда являлось восстановление единства христианского мира. В своей историко-богословской справке по этому вопросу он писал:

Из сознания греха разделений и их печальных последствий для христианства и появилось у многих христиан на Западе и на Востоке покаянное желание молиться Господу о Его небесной помощи для восстановления христианского единства, согласно с Его Божественной заповедью «да будут едино, да уверует мир» (Ин 17:21–23) [*Молитвы*, 1].

Отец Виталий подчеркивал глубокую церковную традиционность молитвенного попечения о единстве, явственно выраженную в Гефсиманской молитве Христа и в известной каждому православному литургической формуле великой ектеньи «О благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех». Он напоминает, что Русской церкви не было чуждо участие в таких молитвах и приводит ответ патриарха Тихона Роберту Гардинеру в марте 1918 г., содержащий заверение в поддержке недели молитв о единстве христиан. Патриарх пишет о важности совместных молитв ради «общей задачи борьбы с силами зла, ополчившегося против Церкви»: «В настоящее беспокойное время, когда враги Христовы воинствуют против Него с особым рвением, теперь особенно необходимо для нас, верных друг другу друзей, объединиться как можно ближе для защиты христианской веры» [*Православная церковь*, 5]. Необходимо отметить, что идея и практика молитв о христианском единстве была воспринята православными церквями как одна из форм свидетельства о вере, таинствах и богослужении Древней церкви. По слову о. Виталия, «когда совершались молитвы, всегда имело место православное свидетельство и словом в богословских дискуссиях, и молитвой в православных богослужениях» [*Молитвы*, 13]. Он считал возможность такого свидетельства самой лучшей помощью «разъединенным христианам в деле восстановления их единства во Святой Соборной и Апостольской Церкви, верной свидетельницей и историческим продолжением которой является православная церковь» [*Молитвы*, 37]. За счет участия православных молитвы о единстве приняли важную направлен-

ность — стали практическим выявлением единого истока христианства. Православное свидетельство приобрело таким образом апостольское звучание.

Напоминая о сугубо православной современной практике молитв о единстве с приглашением к участию инославных христиан, о. Виталий особо отмечал, что православные никогда не допускали участия в так называемых смешанных молитвах, но «все происходило согласно с духом сложившейся литургической практики нашей Церкви» [*Молитвы*, 17]. В частности, он отмечал, что церкви-участницы ежегодной недели молитв о единстве (18–25 января) всегда имели право сами выбирать те молитвы, которые, с их точки зрения, являются наиболее подходящими и приемлемыми. Поэтому «никаких неправославных молитв не было и никаких смешений православных текстов с “экуменическими” не было. Это были православные молитвы о единстве» [*Молитвы*, 15]². В этом контексте важен его призыв относиться богословски и канонически точно и к такому понятию как «еретик». Поскольку ересью можно назвать только такое «лжеучение, которое осуждено Собором и предано анафеме» [*Молитвы*, 32], а в отношении к инославным исповеданиям, упоминавшимся в его историческом экскурсе, такое решение не было принято, то проблема «молитвы с еретиками» к данной практике не имеет отношения. Правильнее поэтому, по мнению о. Виталия, было бы сосредоточиться на созидательной задаче православного свидетельства о вере в Предании древней церкви, что является лучшей помощью разъединенным христианам в деле восстановления их единства во святой соборной и апостольской Церкви.

2. В ответ на запрос генерального секретаря ВСЦ д-ра Виссерт Хуфта в январе 1960 г. об отношении РПЦ к идее молитв о единстве наша церковь заявила, что приветствует усилия «западных братьев усугубить их молитвенный подвиг в поисках единения в истинной Церкви Христовой специальными молитвами в особую “неделю молитв о христианском единстве”». Со своей стороны, РПЦ обещала также особо молиться в эти дни «о соединении всех», «хотя и в других словах и в иной форме» в соответствии со своей литургической практикой [*Молитвы*, 14]. Обычно «...Всемирный Совет Церквей рассылает всем церквям, участвующим в экуменическом движении (православным, католикам, англиканам и, так называемым, свободным и консервативным евангеликам, словом, — всем

христианам) специальные, заранее (на год вперед) выработанные и согласованные (с православными, католиками и протестантами — в особой смешанной группе) тексты и предложения по проведению очередной годичной недели молитв (с 18 по 25 января ежегодно), где указана предполагаемая общая тема, чтения из Священного писания на каждый день этой недели, предлагаемые молитвы медитации и обращения ко Господу о христианском единстве и т. п. Однако церкви свободны избрать из этого материала, что им кажется, с их точки зрения, лучше подходящим для темы молитв о единстве, могут изменить их или заменить своим собственным материалом и своими молитвами» [*Молитвы*, 15].

В мире, полном вражды между народами, государствами, культурами и идеологиями необходимо быть Церковью примирения и знаком единства рода человеческого и Всемирного Братства Обновленной Человеческой Общности [*Христианское свидетельство*, 12].

Для этого необходимо совершать практические шаги к преодолению существующих разделений христианских церквей, которые выглядят непростительно перед лицом стремительно секуляризирующегося мира и растущих социально-политических диспропорций. Отец Виталий видел последствия «печального греха разделения» в следующем:

...Христиане (и на Востоке, и на Западе) как бы смирились и свыклись с уродливыми язвами разделенного христианства и стали жить отдельно, изолированно друг от друга, в постоянной полемике, соперничестве и вражде. В результате этого наступил упадок (кризис) веры, отход от Церкви, рост секуляризации в обществе, распространение неверия, широкое распространение ислама, восточных мистических и оккультных движений и культов, фундаменталистских сект и разного рода парарелигиозных новых течений и групп [*РПЦ и экуменическое движение*, 17].

При этом «церкви по-прежнему наносят друг другу визиты, поверхностно полемизируют о различиях веры, в то время как безразличие к христианству все больше углубляется» [*Движение*, 295]. В этих условиях, по мнению о. Виталия, в общении между церквями важны практические шаги к установлению неформального плодотворного диалога, а не констатация известных фактов, сопровождаемая благопожеланиями о желательных переменах к лучшему. Он воспринимал диалог как императив современности, как некое духовное качество, которого необходимо достигать и которое подразумевает способность к подлинному общению, к самопожертвованию ради большего, а вовсе не как попытку достичь приемлемого компромисса. Отец Виталий снискал себе славу мудрого церковного деятеля, который обладал даром выстраивать диалог со своими собеседниками. По воспоминаниям современников, в ходе переговоров он мог «представлять позицию Православной церкви: и богословскую, что было тогда намного легче, но также и позицию Русской православной церкви в тех вопросах, которые были на грани политики» [*Чистый сердцем*, 81]. В то время это было очень трудной задачей и серьезной ответственностью. Участники междуна-

родных диалогов ценили его способность в ситуациях, «когда возникали очень трудные вопросы, иногда — конфликтные ситуации», разрешать их с помощью своего «умения оставаться честным, открытым, правдолюбивым и, одновременно, утишать эмоции» [*Чистый сердцем*, 81].

Как истинный последователь мыслителей начала XX в., о. Виталий в конце жизни занимался разработкой проекта создания христианского движения солидарности и взаимной поддержки. В основу проекта им были положены «Тезисы Всемирного союза возрождения христианства» проф. Л. М. Лопатина. Тезисы были написаны в 1918 г., но по известным причинам уже не могли быть изданы в России. Их перевел на английский язык о. Павел Флоренский, ученик Л. М. Лопатина, и издал в английском журнале “*The Pilgrim. Review of Christian Politics and Religion*” в 1923 г., сопроводив своей статьей «Христианство и культура». Необходимость создания всемирного союза христиан Флоренский и Лопатин видели в противостоянии наступлению на христианство. По слову о. Виталия, это был призыв к христианам всего мира:

...Объединиться, но не в одну какую-то организацию и не для образования какой-то одной церкви, а для защиты христианской веры, для защиты учения Христа, для защиты христианских, этических, моральных, семейных, культурных, общественных ценностей [*Движение*, 292].

Авторы проекта хорошо понимали:

...Перед лицом гонений на церковь уже никакими другими средствами нельзя было преодолеть разрушительные силы революции, большевизма, атеизма, поскольку христианство и на Западе, и в России потеряло свою творческую активность (кроме обрядов, которые совершали, не придерживаясь сути христианства) [*Движение*, 292].

Отец Виталий разделял их видение дальнейшей перспективы единения христиан через братское личностное общение в любви. Он понимал, что вопрос о сближении христиан разных конфессий прежде всего нужно ставить на почву духовно-религиозную, внутреннюю, так как внешнее должно идти от внутреннего, церковное единство — от духовного единения христиан, от христианской дружбы. Объединяют прежде всего вера во Христа и жизнь во Христе, т. е. самая сущность христианства.

Будучи натурой честной и равнодушной к судьбе Церкви, протопр. Виталий Боровой, живя в советские времена, создавал целые проекты церковного возрождения и имел смелость говорить об этом на самом высоком уровне. Он всерьез ставил вопросы обновления свидетельства в современном мире, которое христиане должны нести «подобно апостолам», вопросы творческого хранения преемства церковного Предания, предостерегал от опасности современного радикального богословия «одномерного христианства», низводящего христианство к идеологии, которая грозит привести к потере ядра христианства — миссии спасения, тогда как оно «не идеология, а Благая Весть о полноте новой жизни». Будучи хорошо знаком с современными ему новыми тенденциями обновления христианского свидетельства и их богословского обоснования, о. Виталий отмечал значение богословия надежды (Ю. Мольтманн), теологии освобождения (Г. Гуттересс и др.) и некоторых других направлений в преодолении «фараонова ига Константиновской эры», в очистке «русла реки традиционного богословия, которым должны были достигать нас чистые струи апостольского и святоотеческого Предания, от наслоений и песка истории» [*Христианское свидетельство*, 16]. При этом он подчеркивал, что мало расчистить русло от замшелого наследия прошлых веков, надо найти новое равновесие между истиной евангельского откровения и насущными требованиями современности. Он призывал к необходимости радикальной переориентации церковного внимания на действие, причем повседневное и практическое:

...Критерием проверки любого богословия становится практика, реальный контекст. Вера узнается только по делам. В центре богословия становится не отвлеченная и спекулятивная ортодоксия, а находящая свое выражение в повседневной и общественной жизни ортопраксия [*Христианское свидетельство*, 14].

То есть «современное богословие все более и более становится богословием практики... Оно имеет дело с людьми и их проблемами и направлено к практическому их решению (в области социальной, культурной, политической, экономической жизни людей). Новое богословие — это богословие диалога с людьми других вер и идеологий» [*Христианское свидетельство*, 17]. Поэтому главной заботой христиан сейчас должно быть восстановление полноты свидетельства, которое невозможно без дея-

тельного (ортопраксического) усилия восстановления единства христианского мира.

Сам о. Виталий проявлял на этом поприще вполне практические инициативы и как ученый историк и богослов, и как церковный дипломат, и как пастырь, и как проповедник, как учитель церкви. Все его мысли и сегодня звучат актуально и злободневно. Отец Виталий остро переживал свое призвание — служить будущему Церкви. Он любил повторять, что когда наступит время свободы, тогда все то, чему православные научатся в общении с другими христианами, а также в общении с нецерковным миром, очень пригодится для устройства церковной жизни:

...На конференциях... я служу будущему Церкви, потому что нам многое нужно сделать, многое восполнить для того, чтобы правильно понять задачи, которые будут перед нами стоять в будущем [*Чистый сердцем*, 80].

Это его устремление к будущему было оптимистичным. Он верил, что именно в живом общении представителей разных исповеданий создается возможность такого взаимного познания, которое действует более убедительно, чем слова, так как через него узнается, что «Христос среди нас», ощущается веяние Духа Святого. Это о. Виталий считал самым важным результатом взаимного общения разных исповеданий, который не отражается в формулах и постановлениях, но представляет собой подлинную духовную реальность.

Источники

1. *Значение* = Значение религиозного и духовного фактора (особенно — православия и православной церкви) в процессе становления новой России : Доклад : 1996. Архив СФИ. Личный фонд протопр. Виталия Борового. П. 55. ВБ-766/3 (16). Машинопись.
2. *Молитвы* = Молитвы о христианском единстве (справка) : 1994. Архив СФИ. Личный фонд протопр. Виталия Борового. П. 75. ВБ-931/2 (37). Машинопись.
3. *Русское возрождение* = Русское возрождение XIX и начала XX вв. : Глава из доклада : До 1973. Архив СФИ. Личный фонд протопр. Виталия Борового. П. 55. ВБ-766/10 (11). Машинопись.
4. *Христианское свидетельство* = Христианское свидетельство о мире и справедливости : 1984. Архив СФИ. Личный фонд протопр. Виталия Борового. П. 68. ВБ-678/1 (25). Машинопись.

Литература

1. *Вопрос о соединении церквей* = Вопрос о соединении церквей на Поместном Соборе Российской православной церкви 1917–1918 годов // Православие и экуменизм : Документы и материалы 1902–1997. М. : Изд-во МФТИ, 1998. С. 66–68.
2. *Движение* = Боровой Виталий, протопр. Движение к христианскому единству в XX веке и его историческое значение // Духовные движения в Народе Божьем : История и современность : Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 2–4 октября 2002 г.). М. : СФИ, 2003. С. 290–295.
3. *Записки* = Записки петербургских Религиозно-философских собраний : 1901–1903 гг. / Общ. ред. С. М. Половинкина. М. : Республика, 2005. 543 с.
4. *Обновление христианина* = Боровой Виталий, протопр. Обновление христианина (Еф 4:22–32) и обновление общества // Кифа. 2016. № 1 (203). С. 6–7.
5. *Православная церковь* = Православная церковь и молитвы о христианском единстве : Из статьи протопресвитера Виталия Борового // Кифа. 2017. № 1 (219). С. 5.
6. *Чистый сердцем* = «Чистый сердцем» : Интервью с архиепископом Вроцлавским и Щецинским Иеремией (Анхимюком) // Путь от пастуха до пастыря : Протопресвитер Виталий Боровой : In memorem. М. : СФИ, 2017. С. 79–87.
7. *РПЦ и экуменическое движение* = Русская православная церковь и экуменическое движение (историко-богословское обозрение)³ // Православие и экуменизм : Документы и материалы 1902–1997 : Сборник. М. : МФТИ, 1998. С. 6–54.
8. *Stammler* = Stammler H. A. Nicholas Arseniev: An essay in appreciation // Записки русской академической группы в США. 1979. Т. 12. С. 17–25.

3. I–XII и XV главы историко-богословского обозрения содержат материал из доклада протопр. Виталия Борового «Вопросы истории и богословских обоснований участия РПЦ в межхристианских контактах в XIX и XX веках (до 1961 г.)», представ-

ленного им на пленарном заседании Синодальной богословской комиссии Русской православной церкви в Московской духовной академии (Сергиев Посад, 6–7 февраля 1997 г.)

ON THE 10TH ANNIVERSARY OF THE PASSING
OF PROTOPRESBYTER VITALY BOROVOY

G. V. Lozhkova

On the Grounds of Christian Unity

The article examines the theological views of Protopresbyter Vitaly Borovoy on the issue of Christian unity. Over a number of years, he represented the Russian Orthodox Church in the World Council of Churches. Fr. Vitaly also was an observer from the Russian Orthodox Church at the Second Vatican Council. The article is based on his published texts as well as on the manuscripts of his papers delivered at theological conferences in the 1980s–1990s. Fr. Vitaly's views on Christian unity can be characterised by the rootedness in the Russian religious and philosophical thought of the XIX — early XX centuries, by his aspiration to renewing witness, to keeping the continuity of the Tradition of the Church in a creative way, to contributing to a constructive inter-Christian dialogue and to restoring unity by practical efforts.

KEYWORDS: inter-Christian dialogue, unity, witness, service, confession, Tradition of the Church.